

ПЛЕЯДЫ-ОТВЕРСТИЯ, МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ КАК ДОРОГА ПТИЦ, ДЕВОЧКА НА ЛУНЕ: СЕВЕРОВЕВРАЗИЙСКИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ В ЗЕРКАЛЕ КОСМОНИМИИ*

Обозначения Плеяд, Млечного Пути, интерпретация лунных пятен систематически различаются у балтов и славян и совпадают у балтов и прибалтийских финнов. Балто-финские варианты находят соответствия в текстах населения Среднего Поволжья. Толкование лунных пятен как девочки или молодой женщины с ведрами для воды распространено на всей территории Северной Евразии и характерно также для северо-западного побережья Северной Америки, для алгонкинов, живущих к северу от Великих Озер, и маори. Часть сибирских, индейских и маорийских текстов включает мотив куста, за который держится персонаж. Космоним «Плеяды-сито» может являться вариантом североевразийского представления о звездах как отверстиях в небе. Млечный Путь как дорога птиц характерен для балтов, угро-финнов и части тюрков, а также амурских эвенков и алгонкинов. Данные космонимы в Евразии распространялись с востока на запад. Они почти полностью отсутствуют у самодийцев.

Ключевые слова: космонимия, Плеяды, Млечный Путь, пятна на Луне, балты, угро-финны, самодийцы, тюрки, народы Сибири, индейцы северо-западного побережья Северной Америки, алгонкины, сэлшии.

В культурах Евразии за пределами тропической зоны основное внимание уделялось семи объектам ночного неба. Это Луна с пятнами на диске, Венера, Млечный Путь, Большая Медведица, Плеяды, Пояс Ориона, Полярная звезда. Другие планеты, звезды и созвездия выделялись в одних культурах и игнорировались в других. Хотя космонимов известно много, большая их часть зафиксирована локально и единично либо представляет собой варианты нескольких преобладающих образов. Устойчивость космонимической лексики и соответствующих мифопоэтических представлений делает их источником данных об этнокультурных процессах далекого прошлого.

*Работа выполнена при поддержке РФФИ (грант 07-06-00441-а), INTAS (грант 05-10000008-7922), программ Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» и «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

Границы распространения на континенте ряда современных и зафиксированных в письменных источниках космонимов не соответствуют границам языковых семей. Например, космонимия балтов и прибалтийских финнов идентична, хотя их языки принадлежат к двум неродственным семьям. В Восточной Прибалтике повсюду Млечный Путь – «дорога птиц» (перелетных), Плеяды – «сито», на Луне видна девушка с ведрами. К югу же и к западу от Балтийского моря, за исключением тех районов Польши и Белоруссии, где балтские языки относительно недавно были замещены славянскими [Вайшкунас, 2004, с. 169–170; Gładyszowa, 1960, s. 19, 28, 30; Niebrzegowska, 1999, s. 149], космонимия восточно-балтийского типа отсутствует. Исключений мало: Млечный Путь как «дорога птиц» известен лужичанам [Азимов, Толстой, 1995, с. 118], интерпретация Плеяд как сита зафиксирована у венгров [Mándoki, 1963, S. 519–520; Zsigmond, 2003, p. 434] и северных итальянцев [Volpati, 1932, S. 206]; «девушка с ведрами на Луне»

типична для большей части Болгарии и Македонии при единичной фиксации того же образа в Румынии [Маринов, 2003, с. 28; Младенова, 2006, с. 137, 263–264; Ценев, 2004, с. 47].

Несмотря на указанные аномалии, не вызывает сомнений, что основная космонимическая граница проходит именно между балтами и славянами и отсутствует между балтами и прибалтийскими финнами. Какие же исторические процессы могли привести к формированию подобного рубежа?

Плеяды как отверстия в небе

Не считая представления о Плеядах как о группе людей (эти образы отмечены в разных районах, но версии сильно разнятся), для Европы характерны три основных варианта осмысления данного звездного скопления (рис. 1).

Космонимы «курица с цыплятами», «наседка», «цыплята», «курочки» и т.п. типичны для Западной, Южной и Центральной Европы, Балкан, запада Украины [Бонева, 1994, с. 12; Янкович, 1951, с. 141; Младенова, 2006, с. 89–93; Святский, 1961, с. 120; Чубинский, 1872, с. 14; Andree, 1878, S. 106; Krappe, 1938, p. 152; László, 1975, p. 604; Matičetov, 1973,

S. 49; Niebrzegowska, 1999, S. 145; Smith, 1925, p. 124; Volpati, 1932, S. 194–205; 1933a, S. 507]. В этой зоне они не отмечены лишь у жителей большей части бывшей Югославии, а также Пиренейского полуострова (кроме басков). За пределами Европы «курица с цыплятами» характерна для Западной Африки и Судана [Hirschberg, 1929, S. 326–327; Meek, 1931, p. 200; Schwab, 1947, p. 413; Spieth, 1906, p. 557; Volpati, 1933a, S. 507], северо-востока Индии и для Юго-Восточной Азии [Andree, 1878, S. 107; Smith, 1925, p. 114; Vathanaprida, 1994, p. 39–41]. Возможно, что в прошлом данный космоним был известен в Передней Азии и Северной Африке [Volpati, 1932, S. 195], хотя в современном арабском Плеяды повсюду Сурайя – «плюстра». Туареги именуют Плеяды «цыплята» [Rodd, 1926, p. 226]. Поскольку данный космоним отсутствует в античных источниках и связан с обозначением домашней курицы, можно предположить его относительно позднее распространение в пределах Европы.

Космонимы со значениями «гнездо (или яйца, яйцо) дикой утки», «стая уток» характерны для ненцев [Хомич, 1974, с. 232], коми-зырян [Святский, 1961, с. 120], удмуртов [Wichmann, 1987, p. 214, 273], а также обских угров [Munkácsi, 1908, p. 255; Steinitz, 1966–1993, S. 1412, 1636]. В Сибири и на северо-востоке Европы заметна корреляция этого космонима

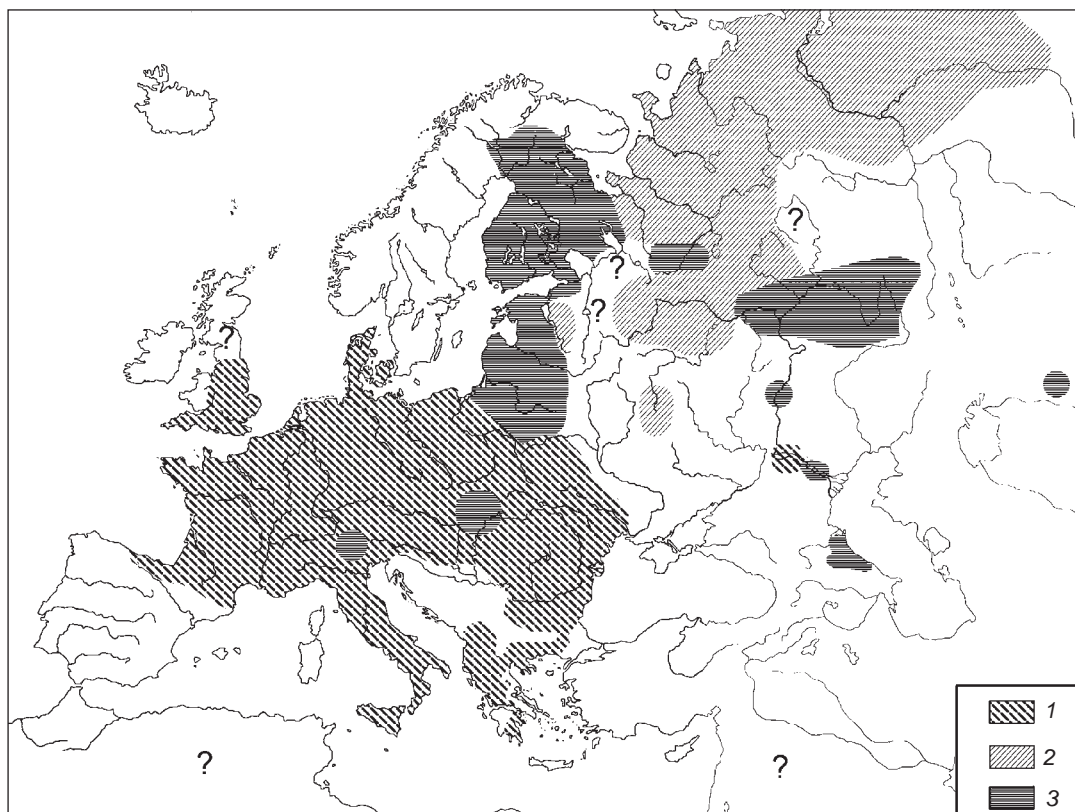

Рис. 1. Ареалы основных вариантов интерпретации Плеяд в Европе.
1 – курица с цыплятами; 2 – утиный выводок, утиное гнездо; 3 – решето, сито.

с уральскими языками, но немало и исключений. У селькупов Пляды – «заячьи полки» или «заячьи кучки» [Тучкова, 2004, с. 212]; смысл названия утрачен, параллелей в других традициях нет. У нганасан Пляды – «охотники, ловящие души умерших людей и убитых оленей» [Попов, 1984, с. 48]. Энецкое название «Кондику» [Долгих, 1961, с. 24] не этимологизируется, оно либо несамодийское, либо до неузнаваемости искажено при передаче*. У хакасов (тюрков по языку) Пляды – тоже «утиное гнездо» или «стая уток» [Бутанаев, 1975, с. 238]. Северные русские космоним «утиное гнездо» явно унаследовали от дославянского субстрата [Потанин, 1883, с. 730; Рут, 1987, с. 15]. Переселяясь за Урал, они принесли «утиное гнездо» в Восточную Сибирь. В литературе со ссылкой на У. Харва встречаются указания на наличие подобного образа у якутов и камчадалов [Младенова, 2006, с. 196; Lundmark, 1982, sid. 105], но это следствие недоразумения: У. Харва принял русский космоним за перевод названия Пляд с местных языков [Harva, 1933, p. 135]. Ту же ошибку, видимо, сделала М.В. Рут, упоминая энецкие материалы [1987, с. 47].

Сплошной и компактный ареал «утинового гнезда», в основном вписывающийся в зону бывшего распространения уральских языков, но пересекающий границы расселения как самодийцев, так и финно-угров, позволяет предполагать связь этого космонима с каким-то древним населением. Если оно и говорило на языке уральской семьи, то не оставило прямых языковых потомков.

Обозначение Пляд в качестве решета или сита характерно, как было сказано, для Восточной Прибалтики (древние пруссы, литовцы, латыши, ливы, эстонцы, финны) [Вайшкунас, 2004, с. 169; Кербелите, 2001, с. 65; Непокупный, 2004, с. 76–77; Allen, 1899, p. 397; Andree, 1878, S. 107; Kuperjanov, 2003, lk. 183–185; Mándoki, 1963, S. 519; Vaiškūnas, 1999, S. 167]. По води и вепсам данных нет (водские представления были, вероятно, близки эстонским), у саамов Пляды – «девушки» [Чарнолуский, 1930, с. 48; Lundmark, 1982, sid. 105]. В Среднем Поволжье «Пляды-сито» зафиксировано у чувашей [Золотницкий, 1874, с. 22; Сироткин, Иванов, 1970, с. 128; Юхма, 1980, с. 266; Mándoki, 1963, S. 520], марийцев [Акцорин, 1991, № 37, с. 83], татар [Воробьев, Хисамутдинов, 1967, с. 316; Потанин, 1883, с. 729], башкир [Максютова, 1973, с. 383], удмуртов (видимо, только южных) [Никонов, 1973, с. 376; Wichmann, 1987, с. 107]. В Поволжье только у мордвы Пляды – «пчелиный улей» [Святский, 1961, с. 121], интерпретация в подобном или сходных вариантах («пасека», «осиное гнездо»), известная также русским, украинцам, болгарам, венграм [Младенова, 2006, с. 115]. У русских космоним «сито»

в отношении Пляд зафиксирован у жителей Вологодской губ. и переселенцев на западных иноэтнических землях [Рут, 1987, с. 15; Святский, 1961, с. 121].

«Сито» характерно не только для Прибалтики и средней Волги, но и для Дагестана: оно отмечено, в частности, у кумыков, лаков, аварцев, андийцев, даргинцев, тавлинцев [Гамзатов, Далгат, 1991, с. 304–305; Потанин, 1883, с. 729–730]. Г.Н. Потанин отметил «сито» как обозначение Пляд у казахов Среднего Жуза и астраханских татар [1881, с. 126; 1919, с. 84]. Персидская параллель, предложенная А.П. Непокупным [2004, с. 80], ошибочна: слова «парвин» (Пляды – от «первый») и «парвизан» («сито») не являются однокоренными*. На северо-востоке Азии у коряков и чукчей В. Богораз и В. Иохельсон записали названия Ke'tmet и Kä'tmäc [Богораз, 1939, с. 29; Jochelson, 1908, p. 122] и перевели их как «маленькое сито», хотя, например, у чукчей основной образ Пляд – группа женщин [Богораз, 1939, с. 24]. Слово, близкое к «Ketmet», действительно этимологизируется как «сито для промывания лососевой икры», но не на палеоазиатских языках, а на юкагирском**.

Основных, компактных и крупных, ареалов «Пляд-сита» два – Восточная Прибалтика и Среднее Поволжье. Исторически их объединяет балтский субстрат или балтское влияние [Напольских, 1997, с. 158–161], а в более ранний период – распространение на этих территориях культур боевых топоров и шнуровой керамики (вопроса о степени преемственности между создателями этих культур и протобалтами я не касаюсь). Со временем в Поволжье данный космоним перешел от финно-угров к тюркам.

В Дагестан и Казахстан «сито» могло попасть из Поволжья в эпоху Золотой Орды (предположение В.В. Напольских), хотя столь поздняя диффузия плохо вяжется со специфической лакско-литовской параллелью: речь идет о сите, через которое бог просеял на землю злаки [Непокупный, 2004, с. 77; Халидова, 1984, с. 160]. К сожалению, о литовской мифологеме известно лишь из поэмы А. Мицкевича «Пан Тадеуш»; этого мало для ответственных заключений. Не ясен и статус венгерских материалов. Хотя само венгерское слово «szita», обозначающее сито, заимствовано у славян [Mándoki, 1963, S. 519–520], соответствующий небесный объект рассматривается именно как нечто дырявое [Zsigmond, 2003, p. 434]. То, что лишь венгры в Балканском регионе разделяют подобное представление, ставит под сомнение возможность заимствования ими образа Пляд у славянского населения Паннонии. Если же венгры принесли его с востока, то откуда? В Западной Европе космоним «реше-

*Личное сообщение И.П. Сорокиной, 2008 г.

*Личное сообщение И.М. Стеблина-Каменского, 2008 г.

**Личное сообщение О.А. Мудрака, 2008 г.

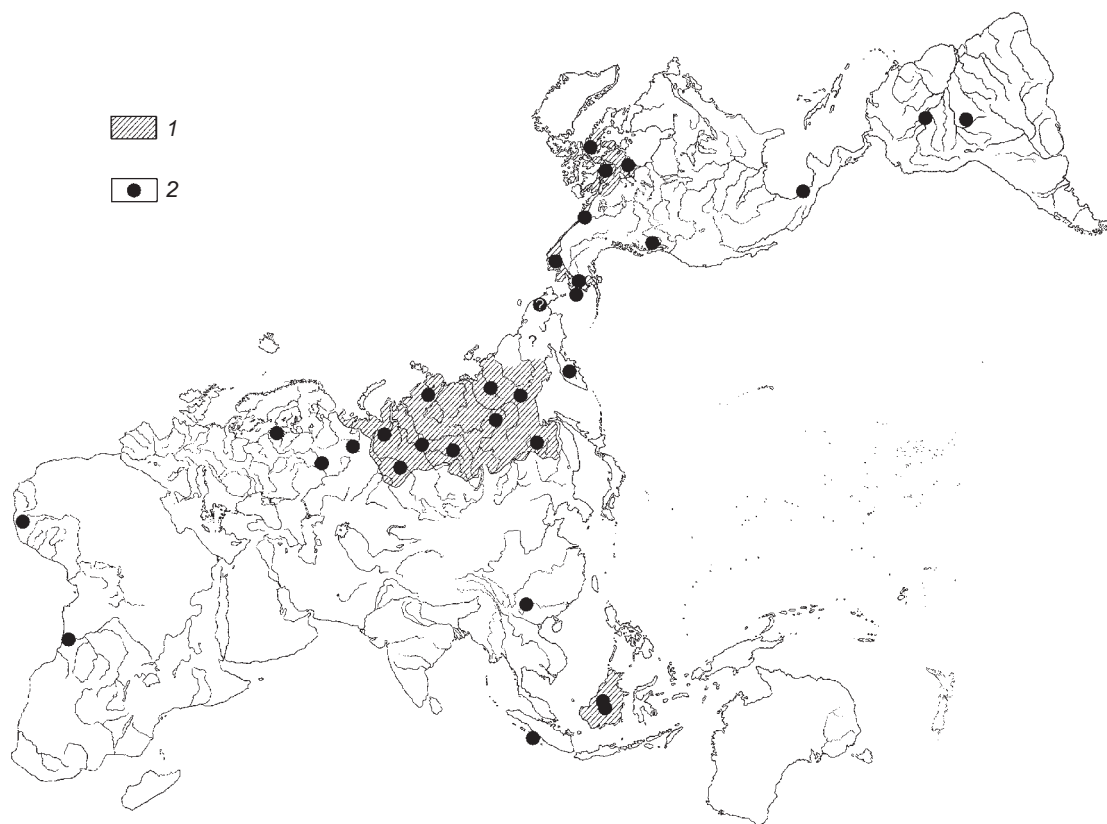

Рис. 2. Распространение представлений о звездах как об отверстиях в небе.
1 – предположительно сплошное распространение образа; 2 – конкретные районы фиксации образа.

то» (*crivello*) зафиксирован только на севере Италии в верховьях Адидже [Volpati, 1933a, p. 206; 1933b, p. 21]. Стоит отметить, что *crivello* – это не только «решето», но и «лопата для веяния зерна».

Таким образом, вопрос о происхождении в пределах Европы обозначения Плеяд как сита или решета пока далек от решения, единый источник для всех вариантов не очевиден. Но если рассматривать названия звездных объектов в общеевразийском масштабе, то данный космоним может быть осмыслен как частный случай более общего и шире распространенного образа – представления о звездах как об отверстиях.

Существенны сибирские параллели, причем не только упомянутые палеоазиатские. Этимология названия Плеяд в тюркских языках (Улкер, Юркер, Юркар и т.п.) дискуссионна. Согласно одной из гипотез, это «отдушина», «продырявливать» [Никонов, 1980b, с. 296]. А.В. Дыбо, крупнейший специалист по алтайским языкам, не считает это предположение обоснованным*. Вместе с тем для якутов такое значение подтверждено фольклорным текстом: герой делает рукавицы, чтобы заткнуть дыры в небе, из которых тянет холодом, и эти дыры – Плеяды [Holmberg, 1927,

p. 418]. У орочей и сахалинских уильта (ороков) Плеяды в ряде случаев – «семь дыр» [Подмаскин, 2006, с. 432], при обычном нижеамурско-приморском «семь женщин». Фольклорных повествований в связи с этим названием нет, но то же слово используется для обозначения жаберных отверстий миноги*. За пределами Северной Евразии представление о Плеядах как об отверстиях (звезды Плеяд его обрамляют) обнаружены у оджибва [Speck, 1915, p. 48], причем с учетом других азиатско-североамериканских космонимических параллелей [Березкин, 2005; Berezkin, 2006] не исключена историческая связь данного образа с сибирскими представлениями.

Что касается образа не конкретно Плеяд, а любых звезд как небесных отверстий, то он известен в Африке (Либерия, устье Конго, Южная Африка [Koeckemoer, 2007, p. 75; Pechuël-Loesche, 1907, S. 135; Schwab, 1947, p. 413]), а также Западной Индонезии (ментавай, клемантан, каян [Hose, MacDougall, 1912, p. 142, 214; Schefold, 1988, S. 71]) и Южном Китае (мяо [Итс, 1960, с. 107]). Только в Северной Евразии, Американской Арктике и, может быть, на Калимантане представление о звездах-отверстиях господствует (рис. 2).

*Личное сообщение А.В. Дыбо, 2008 г.

*Личное сообщение А.М. Певнова, 2008 г.

Оно единично зафиксировано у эстонцев [Kuperjanov, 2003, lk. 125], марийцев [Аккорин, 1991, № 26, с. 59–60], коми [Аристэ, 2005, № 136, с. 163] и может считаться обычным у ненцев [Ненянг, 1997, с. 214, 224; Хелимский, 1982, с. 399], нганасан [Попов, 1984, с. 45; Симченко, 1996, с. 191], хантов [Лукина, 1990, № 8, с. 67–69], кетов [Алексеенко, 1976, с. 79; Дульзон, 1966, с. 15–17; 1972, с. 83–86], якутов [Гурвич, 1977, с. 199; Эргис, 1967, с. 134], эвенков [Василевич, 1959, с. 161–162; Воскобойников, 1960, с. 296], эвенов [Бурькин, 2001, с. 114], негидальцев*. Косвенная или менее определенная информация есть по чукчам и ительменам [Эргис, 1974, с. 134; Jochelson, 1961, p. 71–74]. В Северной Америке представление о звездах как об отверстиях характерно для аборигенов Американской Арктики (центральные юпик, включая проживающих на о-ве Нунивак, инупиат, эскимосы устья Маккензи, карибу, нетсилик, иглулик [Lantis, 1946, p. 197; MacDonald, 1998, p. 33; Nelson, 1899, p. 495; Ostermann, 1942, p. 56, 58; 1952, p. 128; Rasmussen, 1930, p. 79]), что важно в свете гипотезы об отличном от остальных аборигенов Нового Света и относительно недавнем сибирском происхождении эскимосов. У индейцев отмечены представления об одной конкретной (обычно Полярной) звезде как об отверстии для проникновения в верхний мир, но образ звезд вообще как дыр в небосводе встречается лишь изредка в удаленных друг от друга районах Северной и Южной Америки (сэлиши томпсон, тотонаки, тукуна, тупари [Boas, 1895, № 4, S. 17–18; Caspar, 1975, S. 188; Ichon, 1969, p. 36; Nimuendaju, 1952, p. 123–124]). Подавляющее большинство народов Америки, как и Африки, Австралии, Океании и индотихоокеанской окраины Азии, интерпретировало звезды в качестве класса объектов только одним образом – это люди, духи, некие существа.

Млечный Путь как дорога птиц

Второй космоним, западный рубеж распространения которого примерно совпадает с литовско-польским пограничьем, – это обозначение Млечного Пути в качестве дороги птиц (рис. 3). Имеются в виду перелетные птицы – гуси, утки, лебеди, журавли. «Дорогу птиц» иногда рассматривают в качестве варианта представления о Млечном Пути как о «дороге душ» [Kuperjanov, 2001, lk. 110]. Оба образа близки по семантике [Азимов, Толстой, 1995, с. 118], однако космоним «птичья дорога» специфичен, порой сосуществует с «дорогой душ» как отдельный образ [Айхенвальд, Петрухин, Хелимский, 1982, с. 164] и на территориях, где сезонные перелеты птиц замечены фольклорной традицией, распространен далеко не везде.

«Дорога птиц» («дорога диких гусей», «дорога журавлей», «птичья тропа», «след дороги птиц» и т.п.) известна преимущественно представителям трех языковых семей – балтам, финно-уграм (но не самодийцам) и тюркам. Это латыши и литовцы [Кербелите, 2001, с. 57; Gładyszowa, 1960, P. 77–78; Vaiškūnas, 1999, S. 173], ливы [Toivonen, 1937, S. 123], эстонцы [Пустьльник, 2002, с. 268; Kuperjanov, 2003, lk. 150–151], финны [Erdödi, 1968, S. 110–111], саамы [Ibid, S. 111; Toivonen, 1937, S. 123], марийцы [Аккорин, 1991, с. 55–56; Васильев, 1907, с. 12; Erdödi, 1968, S. 110], мордва [Девяткина, 1998, с. 118], чуваша [Ашмарин, 1984, с. 26; Золотницкий, 1874, с. 22; Родионов, 1982, с. 168], казанские татары [Воробьев, Хисамутдинов, 1967, с. 316], башкиры [Бараг, 1987, с. 33; Руденко, 1955, с. 315], удмурты [Верещагин, 1995, с. 81; Мошков, 1900, с. 197; Потанин, 1883, с. 740; Erdödi, 1968, S. 110], коми [Потанин, 1883, с. 943; Erdödi, 1968, S. 110; Napolskikh, 1992, p. 6], казахи [Карутц, 1911, с. 125; Потанин, 1881, с. 126–127; Сидельников, 1962, с. 268], киргизы [Абрамзон, 1946, с. 65; Потанин, 1881, с. 127; Фиельструп, 2002, с. 217, 227], каракалпаки [Никонов, 1980а, с. 248]. Туркмены сохраняли космоним «дорога птиц» до середины XIX в. [Там же; Никонов, 1980б, с. 293]. Он был известен также хантам и манси [Erdödi, 1968, S. 109–110; Munkácsi, 1908, p. 254; Napolskikh, 1992, p. 8], а до XVI в. и венграм [Никонов, 1980а, с. 248], очевидно, принесшим подобный образ со своей восточной прародины. Другое характерное для обских угров обозначение Млечного Пути – «лыжный след» – связано с мифом об охоте на небесного лося [Erdödi, 1968, S. 116] и является единственным или абсолютно преобладающим у самодийцев и народов Восточной Сибири, нижнего Амура и Аляски. У обских угров оба обозначения существуют независимо друг от друга и относятся к разным циклам мифологических представлений.

Русские называли Млечный Путь «гусиной дорогой» в Вологодской, Вятской, Пермской, Тульской, Смоленской, Калужской губерниях, а также в Сибири [Гура, 1997, с. 671; Рут, 1987, с. 13], белорусы – в пинском Полесье [Гура, 1997, с. 658], украинцы – в районе Луцка на Волыни [Мошков, 1900, с. 205; Чубинский, 1872, с. 15]. Примерно там же, в Полесье и на Волыни, зафиксирован образ Плеяд как сита. Однако ареалы «сита» и «дороги птиц» совпадают не полностью, последний космоним распространен шире. Существенно добавление не столько саамов, сколько тюрков за пределами Поволжья – казахов, киргизов, каракалпаков, туркмен. При этом речь идет не о всех тюрках. Отсутствие «дороги птиц» у саяно-алтайских народов, узбеков и, видимо, уйгуров, ставит под сомнение прототюркское происхождение космонима. У населения юга России, большей части Украины и у южных славян данный космоним отсутствует.

*Личное сообщение А.М. Певнова, 2008 г.

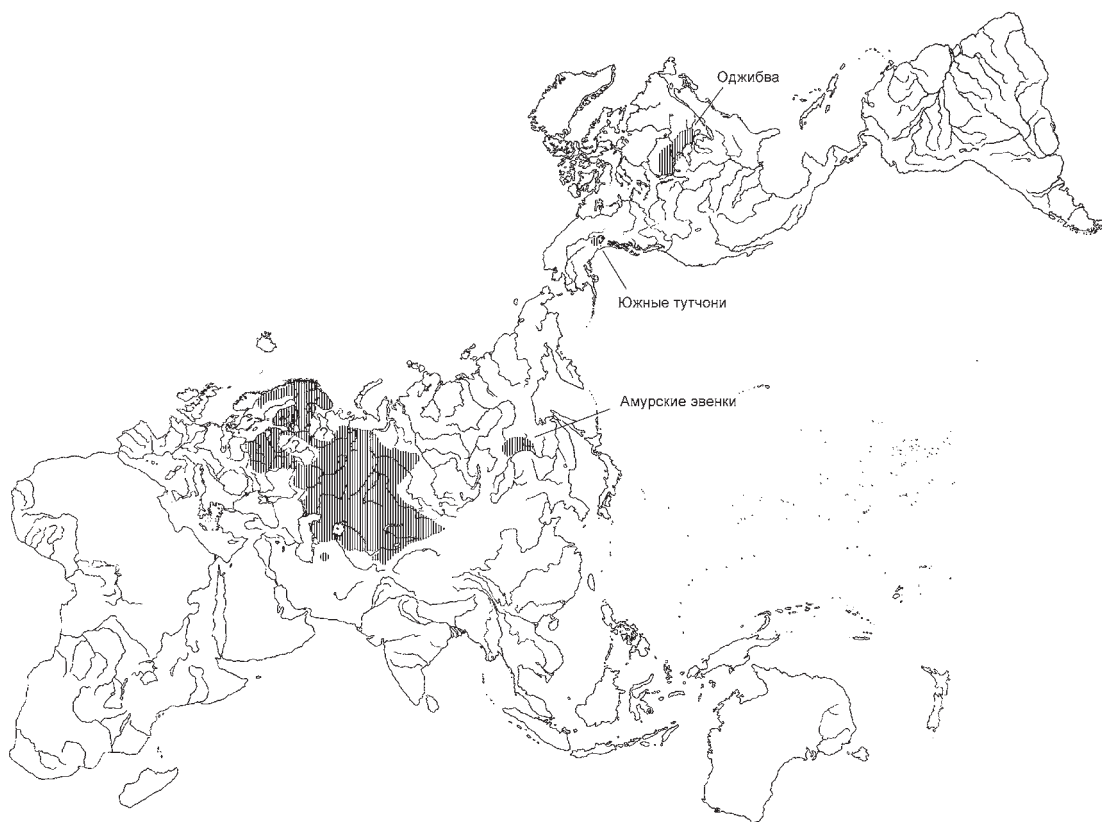

Рис. 3. Распространение представлений о Млечном Пути как о дороге перелетных птиц.

«Дорога птиц» известна эвенкам на среднем Амуре [Василевич, 1969, с. 210], а в Америке – алгонкинам, к северу от Великих Озер – оджибва (зафиксировано у двух групп близ оз. Гурон [Miller, 1997, р. 60; Speck, 1915, р. 79]) и солто [Hallowell, 1934, р. 394]. Не ясно, имеют ли отношение к делу материалы по атапаскам тутчони, живущим в Канаде близ границы с Южной Аляской, у которых Млечный Путь есть дорога гагары – персонажа мифа об ослепшем и прозревшем охотнике [McClelland, 1975, р. 78].

Судя по ареалу «дороги птиц», связывать происхождение космонима с балтами или тюрками нет оснований. «Дорога птиц» финно-уграм, скорее всего, была знакома с древности. Однако отсутствие мотива у самодийцев затрудняет его протоуральскую атрибуцию. Вместе с тем данный образ, если только он не возник у эвенков и алгонкинов самостоятельно, должен был появиться в Евразии задолго до разделения протоуральцев на две основные ветви.

Лунная водоноша

Третий космоним, знакомый балтам и финно-уграм и почти не представленный у славян, – девушка с ведрами на Луне (рис. 4). Два связанных с ним сюжета

встречаются наиболее часто. Сюжет первый: Месяц из жалости забирает к себе посланную за водой сироту, падчерицу и т.п. Второй: Месяц делает это, наказывая девушку или молодую женщину за высокомерие и хвастовство. С тех пор на Луне видна фигура девушки или девочки с ведрами. У балтов (литовцы [Кербелите, 2001, с. 70; Лауринкене, 2002, с. 365; Vaiškūnas, 2006, р. 158], латыши [Погодин, 1895, с. 440]) и прибалтийских финнов (эстонцы) [Kuperjanov, 2003, lk. 72; Peebo, Peegel, 1989, lk. 282; Sullõv et al., 1995, lk. 94], воль [Ariste, 1974, lk. 5; 1977, lk. 175; Ernits T., Ernits E., 1984, lk. 579]) зафиксированы оба варианта, как и другие, более редкие объяснения. Так, у карел в руках девушки не ведро с водой, а подойник [Евсеев, 1981, с. 313]. Детали вепской «легенды» в источнике не сообщаются [Егоров, 2003, с. 129]. У саамов Солнце хватает девушку, чтобы отдать ее в жены своему сыну, и бросает ее на Луну, где она теперь видна вместе с коромыслом и ведрами [Чарнолуцкий, 1962, с. 68–79]. В Волжско-Пермском регионе «лунная водоноша» есть у коми-зырян [Аристэ, 2005, № 109, с. 105; Лимеров, 2005, № 58, с. 55–56], коми-пермяков [Konakov et al., 2003, р. 312], удмуртов [Верещагин, 1995, с. 85–86; Владыкин, 1994, с. 322; Потанин, 1883, с. 776], чувашей [Ашмарин, 1984, с. 25; Вардугин, 1996, с. 260; Денисов, 1959, с. 15–16; Егоров,

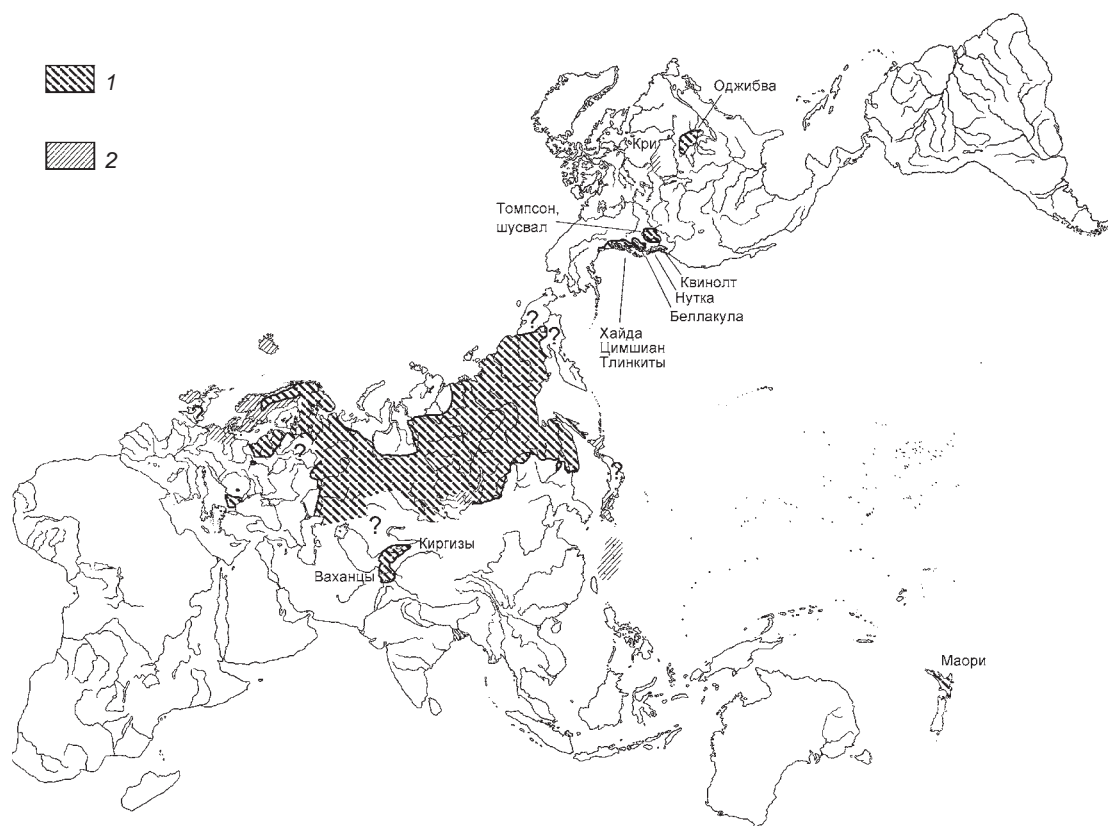

Рис. 4. Распространение интерпретаций лунных пятен как фигуры человека с ведром в руках, пошедшего за водой.

1 – девушка, женщина; 2 – двое детей, мальчик, юноша, мужчина.

1995, с. 120], марийцев [Акзорин, 1991, № 37–42, с. 83–87; Мошков, 1900, с. 197], башкир [Надршина, 1985, № 6, 7, с. 12, 13; Руденко, 1955, с. 315], татар [Воробьев, Хисамутдинов, 1967, с. 314–315]. Встречается в основном вариант с сироткой; мотив женщины, насмехавшейся над Месяцем, отсутствует. У башкир и чувашей есть мотив Месяца, забравшего девушку, в которую он влюбился. Как и в случае с «ситом», мордва Поволжья составляет исключение – мотива «лунной водоноши» в мордовском фольклоре обнаружить не удалось. У русских мотив «водоноши-сиротки» зафиксирован, кажется, только в Вятской губ. [Белова, 2004, № 1305, с. 521], мотив парня и девушки, пошедших за водой и чересчур пристально смотревших на Луну, – в Архангельской [Гура, 2006, с. 462]. Вряд ли эти материалы исчерпывающие, поскольку данный раздел космонимии на севере России специально не изучался. Украинская «лунная водоноша» отмечена только на Волыни [Там же, с. 262], т.е. там же, где фиксируется «дорога птиц».

Как и «дорога птиц», «лунная водоноша» в варианте «бедная падчерица» отмечена у киргизов [Брудный, Эшмамбетов, 1968, с. 11–13] и казахов. Казахские материалы получены недавно в Актюбин-

ской обл.* Ранее представления казахов о лунных пятнах не исследовались, поэтому отсутствие данных по восточным группам казахов, а также по каракалпакам не показательно. От киргизов мотив посланной за водой и оказавшейся на Луне бедной падчерицы мог проникнуть на Памир, где известен по крайней мере ваханцам**. «Лунная водоноша» (как «бедная падчерица», так и «женщина, ведшая себя непристойно») зафиксирована у сибирских татар [Валеев, 1976, с. 329; Уразалеев, 2005, с. 4]. Северным самодийцам, а также северным селькупам мотив не известен. У южных селькупов это пошедшая по воду девочка или девушка, дразнившая Месяц [Головнев, 1995, с. 330–331; Пелих, 1972, с. 322–323], у хантов – дразнившие его мальчик с девочкой либо только девочка [Кулемзин, Лукина, 1978, № 4, 5, с. 15–16], у манси – молодая женщина с ведрами (объясняющий этот образ миф, вероятно, утрачен)***, у кетов – дразнившая Месяц девушка или женщина [Алексеев, 1976, с. 84]. У хакасов

*Личное сообщение И.В. Стасевич, 2006 г.

**Личное сообщение Б. Лашкарбекова, 2005 г.

***Личное сообщение О.С. Ивановой, 2009 г.

распространена та же история про бедную падчерицу, что и у киргизов, казахов и сибирских татар [Бутанаев, 1975, с. 232]. Для Алтая мотив не характерен. Лишь в одном из многих текстов повествуется о том, как на Луне оказался людоед Тильбеген (Джелбиген и т.п.), Месяц хватает его, когда тот идет по воду с коромыслом [Анохин, 1997, с. 5–6]. Данные по шорцам и тувинцам отсутствуют, у тофаларов на Луну попадает посланный за водой мальчик-сирота [Рассадин, 1996, № 3, с. 10]. У дархатов района оз. Хубсугул на Луну попали двое пошедших за водой мальчиков*. Среди трех текстов такого рода один получен от информанта, чьи родители были монголы-халха, но жили среди дархатов Хубсугульского аймака. В других районах Монголии мотив не известен, и похоже, что он приурочен именно к Сибири, но не к Центральной Азии. Хубсугульские дархаты сравнительно недавно перешли на монгольский язык и по культуре близки тувинцам-тоджинцам [Жуковская, 1988, с. 151]. В начале XX в. дархатские шаманы еще призывали духов по-тувински [Санжеев, 1930, с. 7].

Видимо, от домонгольского субстрата мотив попал и к бурятам, у которых он многократно фиксировался в форме, близкой варианту «бедная падчерица»: мачеха (либо родная мать, но вышедшая замуж повторно) посылает дочь за водой и желает, чтобы Луна ее забрала [Галданова, 1987, с. 17; Потанин, 1883, с. 190–193; Хангалов, 1958, с. 319; 1960, с. 14; Шаракшинова, 1980, с. 49–50]. Разным группам якутов [Алексеев, Емельянов, Петров, 1995, с. 197–199; Гурвич, 1948, с. 130; 1977, с. 199; Овчинников, 1897, № 5, 6, с. 179–181; Попов, 1949, с. 260–261; Серошевский, 1896, с. 667; Толоконский, 1914, с. 89; Худяков, 1969, с. 279, 372–373], эвенков [Василевич, 1936, с. 73–74; 1959, с. 165; Воскобойников, 1967, с. 159; Потанин, 1893, с. 385; Рычков, 1922, с. 83–84], а также эвенкам [Новикова, 1987, с. 43–44] мотив «лунной водоноши» известен в основном в варианте «бедной падчерицы», хотя изредка встречается и мотив двух детей, засмотревшихся на Луну и притянутых к ней [Худяков, 1969, с. 279]. «Лунная водоноша» в идентичном эвенкийскому варианту («бедная падчерица») отмечена у негидальцев [Хасанова, Певнов, 2003, р. 55–56; Лопатин, 1922, с. 330] и нанайцев [Арсеньев, 1995, с. 152; Лопатин, 1922, с. 330; Чадаева, 1990, с. 34–35], но не у народов Приморья и Сахалина, что

*Архипова А.С., Дорж Д., Козьмин А.В., Неклюдов С.Ю. (руководитель), Санжааханд И., Соловьева А.А. Материалы российско-монгольской фольклорной экспедиции Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ и Института языка и литературы Монгольской академии наук в Хубсугульский и Булганский аймаки, август 2007 г. (в рамках проекта «Монгольские мифологические традиции: ареальный и сравнительно-типологический ракурс», проект РГНФ – МинОКН МНР 07-01-92070е/Г).

позволяет связывать этот мотив именно с тунгусами, а не с дотунгусским амуро-сахалинским субстратом. Сам образ видимой на Луне девушки или женщины, держащей ведро или черпак для воды, удэгейцам и нивхам, однако, известен [Крейнович, 1973, с. 32–33; Подмаскин, 1991, № 17, с. 125; Исида, 1998, с. 24]. В варианте сахалинских и хоккайдоских айну на Луне видна пошедшая за водой девушка, которую Месяц взял в жены [Пилсудский, 1991, № 3, с. 70–72; Pilsudski, 1912, № 3, р. 73–74] или которая оскорбила Луну, обвинив ее в безделье и позавидовав ей [Исида, 1998, с. 24–25], либо на Луне виден оскорбивший ее таким же образом мальчик [Batchelor, 1927, р. 260]. Мотив женщины с ведрами на луне (без подробностей) отмечен и в Южной Японии*, а на островах Мияко и Окинава записаны мифы, объясняющие, как на Луне появился водоноша-мужчина [Невский, 1996, с. 267–269]. На северо-востоке Азии мотив лунной водоноши в варианте «бедная сирота» зафиксирован у юкагиров [Николаева, Жукова, Демина, 1989, № 2, с. 21–23] и русскоязычных марковцев, в состав которых вошел юкагирский (чуванский) субстрат**. У палеоазиатов «водоноша» отсутствует, хотя у чукчей, коряков и ительменов есть менее специфичный мотив девочки, оказавшейся на Луне [Беретти, 1929, с. 36; Богораз, 1939, с. 22–23; Поротов, Косыгин, 1969, с. 33; Bogoras, 1928, № 2, р. 301–302].

Для многих сибирских текстов (хакасы, тофалары, буряты, кеты, селькупы, ханты, якуты, юго-восточные эвенки) характерна следующая подробность: поднятая на Луну водоноша пытается удержаться за куст и видна теперь на Луне вместе с кустом и ведрами. Та же деталь есть у ваханцев и коряков. У последних [Беретти, 1929, с. 36] про ведра не сказано, но весь эпизод с пришедшей к реке гонимой злой матерью девушкой похож на якутские и эвенкийские варианты. В Южной Сибири у телеутов, алтайцев, хакасов данный мотив встречается и без связи с мотивом водоноши – за куст пытается ухватиться утянутый на Луну людоед.

Таким образом, мотив девочки или молодой женщины, пошедшей за водой и оказавшейся на Луне, представлен в Евразии от Балтики до Охотского моря. За границами ареала, но примыкая к нему, встречаются варианты, в которых либо утрачен мотив воды, за которой отправляется персонаж, либо в рассказах фигурируют не девушка, а мальчик, мужчина, двое детей. Мотивировка, согласно которой Месяц забирает персонаж из жалости, на периферии распространения мотива лунной водоноши прослеживается только у коряков. Среди периферий-

*Личное сообщение К. Иноуи, 2005 г.

**Хаккарайнен М.В. Интервью с Дьячковым Юрием Борисовичем, 37 лет. Марково. 02.06.1999 г.

ных материалов, помимо монгольских, японских и палеоазиатских, следует упомянуть западно- и северо-европейские. В текстах, зафиксированных в Ирландии, на Луне видны два мальчика, несущие на жерди ведро с водой [Krappe, 1938, p. 120], на севере Германии – человек с кувшином в руках, ребенок с ведром, вор, несущий два украденных ведра с водой, двое мужчин, держащих коромысла с ушатами воды [Исида, 1998, с. 20–21; Krappe, 1940, p. 168; Wolf, 1929, S. 55–56]. То же и в Скандинавии – двое детей с коромыслом и ведром [Младшая Эдда, 1970, с. 20], два старика, пытавшиеся залить Луну водой [Krappe, 1938, p. 120].

В Новом Свете мотив «лунной водоноши» есть в фольклоре большинства индейцев северо-западного побережья Северной Америки и бассейна р. Фрейзер в границах Плато. Некоторые тексты сходны с типичным евразийским вариантом «женщина оскорбляет Луну».

Тлинкиты. Одна из двух девушек говорит, что Луна похожа на лабретку ее бабушки. Обе девушки тотчас оказываются на Луне. Обидевшая Луну падает и разбивается, ее подруга видна на лунном диске с ведром в руке [Swanton, 1908b, p. 453].

Хайда. Женщина, пошедшая за водой, указывала пальцем на Луну. Ей показалось, что в колодце кто-то сидит, она указала пальцем на этого человека, ночью почувствовала жажду, вернулась к колодцу, человек схватил ее за руку. Женщина повернулась к полной Луне, показала язык. Ее потащило вверх, она ухватилась за куст и теперь с ведром в руках, держась за куст, видна на Луне [Swanton, 1908a, p. 450–452].

Цимшиан (р. Несс). Женщина показывает пальцем на Месяц и на его отражение. Месяц забирает ее на небо, когда она несет куст ягод. Ее видно на лунном диске с кустом и с ведром в руках [Boas, 1916, p. 864].

Беллакула. На Луне видно женщину с ведром воды в руках [McIlwraith, 1948, p. 225].

Увикино. Мальчик капризничает, сестра выставляет его за дверь, дает для игры ведро. Он все равно плачет, сестра предупреждает, что Месяц его забрет. Месяц спускается, уносит его. Теперь мальчика с ведром в руках видно на лунном диске [Boas, 1895, S. 217; 2002, p. 457].

Нутка. Месяц спустился, попросил воды, девушка вышла с ведром из дома, он ее унес. Позже спустился снова, попросил воды у другой девушки. Мать похищенной велела ей не выходить из дома, но она не послушалась и тоже пропала. Именно эту девушку видно с тех пор на Луне с ведром в руках [Boas, 1895, S. 191; 2002, p. 409].

Шусвап. Во время перекочевки жена Месяца спрашивает, где ей устраиваться на ночлег. Месяц отвечает, что у него на щеке. Жена прыгает ему на щеку и те-

перь видна там. В ее руках ведро, в которых растапливают снег, и снеговая лопата [Teit, 1909, p. 653].

Томпсон. Месяц посылает сестру за водой, та возвращается, ей некуда сесть. Он предлагает ей сесть ему на лицо. На Луне теперь видна женщина с ведром в руках [Teit, 1898, p. 91–92].

Квинолт. Месяц сперва ярк как солнце. Все девушки стремятся к нему, но он выбирает Лягушку. Теперь она, держащая в руках короб с имуществом и ведро, видна на лунном диске [Thompson, Egesdal, 2008, p. 207–209].

В трех последних текстах с мотивом «лунной водоноши», типичным для Северо-Западного Побережья, соединен типичный для сэлишей мотив женщины, обычно Лягушки, прилипшей к лицу Месяца и различимой с тех пор в силуэте лунных пятен.

За пределами Северо-Западного Побережья «лунная водоноша» зафиксирована у алгонкинов, живущих к северу от Великих Озер. В мифе кри (группа Сэнди Лейк) мать, посылая сына за водой, не велит ему смотреть на Луну. Юноша пропадает и с тех пор виден на лунном диске с ковшом и ведром [Ray, Stevens, 1971, p. 81]. В мифе оджибва женщина готовит кленовый сироп, переливая его из одного ведра в другое, и здесь же мочится. Увидев это, оскорбленная Луна забирает женщину вместе с ведром. Муж Луны Солнце наказывает жену – заставляет вечно таскать свою жертву с собой, поэтому на Луне различима женщина с ведром [Jones, 1919, p. 637].

«Лунная водоноша» известна маори Новой Зеландии. Когда Хина набрала калебасой воды, тучи закрыли Луну. Хина споткнулась, вода разлилась. Хина стала ругать Луну, та схватила ее, Хина ухватилась за куст. Теперь ее видно на Луне с кустом и калебасой в руках [Исида, 1998, с. 26]. В другом варианте на Луне оказывается мужчина Рона [Reed 1999, N 16, p. 190–192]; еще в одном тексте Роной зовут женщину [Dixon, 1916, p. 87–88], так что вариант с женщиной у маори, скорее всего, преобладал. Параллели этому мифу, хотя и неполные, есть на других островах Полинезии, в ряде текстов упоминаются и оказавшиеся на Луне вместе с женщиной сосуды для воды [Beckwith, 1970, p. 220–221; Dixon, 1916, p. 88; Williamson, 1933, p. 100]. При всей удаленности Новой Зеландии от Сибири истоки маорийского мифа следует искать в Восточной Азии на вероятной языковой прародине австронезийцев, ибо в Меланезии и Индонезии ничего подобного нет. Мотив куста, за который ухватилась подошедшая к реке и поднятая на Луну женщина, надежно связывает маорийский вариант с теми, которые характерны для хайда, цимшиан и сибирских народов (а также для ваханцев). Приписывать распространение мифов со столь специфическими подробностями влиянию европейцев или считать их возникшими независимо трудно.

Выводы

Ареалы трех рассмотренных космонимов в основном совпадают, отражая следующие закономерности распространения. Все мотивы характерны для Восточной Прибалтики и Среднего Поволжья, причем самая южная из средневожских групп (мордва) – единственная в своем ареале, у которой «Плеяды-сито» и «лунная водоноша» не обнаружены. Все мотивы зафиксированы в Северной и реже Центральной России и не характерны для юга России и для Украины, кроме небольшого анклава на Волыни. К восточным славянам эти мотивы явно попали от субстратного населения. Северные самодийцы (ненцы, энцы и нганасаны) с данными мотивами не знакомы, у селькупов, причем только у южных, есть лишь «лунная водоноша». «Дорога птиц» известна всем финно-уграм, «лунная водоноша» – почти всем, кроме мордвы и венгров. «Дорога птиц» и «лунная водоноша» есть у казахов и киргизов при отсутствии или почти полном отсутствии данных мотивов у тюрков Саяно-Алтая. У казахов Среднего Жуза зафиксировано также «сито» как обозначение Плеяд. К востоку от Енисея распространены лишь мотив «лунной водоноши», который у якутов, тунгусов и бурят отмечен многократно. Однако если считать «сито» частным вариантом образа Плеяд как небесных отверстий, то и этот последний мотив связывает Восточную Европу с Сибирью. Кроме того, амурским эвенкам «дорога птиц» также известна. У алгонкинов к северу от Великих Озер есть «дорога птиц» и «лунная водоноша» при возможной параллели для образа Плеяд как отверстия в небе. «Лунная водоноша» характерна также для индейцев Северо-Западного Побережья и сэлишей северной части Плато. При полном отсутствии данных мотивов у индейцев, живущих южнее ареалов оджибва и сэлишей, сибирское происхождение подобных образов вероятно. Это отодвигает их датировку в Евразии как минимум к раннему голоцену.

Заселение освобожденных от льда территорий на севере Восточной Европы шло в основном с юга. Первые послеледниковые культуры Восточной Прибалтики восходят к позднеледниковой свидерской культуре, что подтверждается данным краниологии и популяционной генетики [Niskanen, 2002, p. 144–147]. Распространение ряда мифологических мотивов согласуется с подобным сценарием [Напольских, 1990]. Однако, учитывая конфигурацию ареалов рассмотренных космонимов, можно предположить, что какие-то потоки мигрантов двигались с востока. Даже если не брать во внимание наличие «дороги птиц» у эвенков и алгонкинов и не считать мотив звезд-отверстий достаточно специфичным, конфигурация зоны распространения «лунной водоноши» достаточно убедительно свидетельствует в пользу трансевразийской

миграции. Учитывая детальные американские и полинезийские параллели восточно- и южно-сибирским вариантам, восток Северной Евразии скорее, нежели запад, следует считать древнейшей зоной распространения мотива. Болгаро-македонский анклава образа «лунной водоноши» явно не может быть источником для сибирских и тем более индейских и полинезийских мифов. Эти балканские материалы скорее отражают какие-то поздние балтийско-балканские связи*.

В финальном плейстоцене – раннем голоцене в Северной и Центральной Евразии происходила, по всей вероятности, детализация представлений об объектах ночного неба. Из Евразии соответствующие идеи были принесены в Северную Америку. В пределах индо-тихоокеанской окраины Азии, в Австралии, Южной и Центральной Америке космонимия развивалась самостоятельно, она не обнаруживает параллелей с североевразийско-североамериканским кругом образов и сюжетов. В Африке южнее Сахары она почти вовсе не развивалась. Поскольку новые образы в Сибири и Восточной Европе не вытесняли старые, а добавлялись к ним, распространить эти образы через всю Северную Евразию могли даже небольшие группы мигрантов с востока. Если это были лесные охотники и рыболовы, то естественной границей их движения оказалась Балтика. На мой взгляд, этим в конечном счете и объясняются различия в наборах космонимов в Восточной Прибалтике и Центральной Европе. Вполне вероятно, что к трем рассмотренным выше образам, имеющим трансевразийское распространение, некогда примыкал и образ Большой Медведицы как группы охотников, преследующих животное [Березкин, 2005]. В Прибалтике, однако, он был вытеснен представлением о Большой Медведице как о повозке.

Список литературы

- Абрамзон С.М.** Очерк культуры киргизского народа. – Фрунзе: Изд-во Кирг. филиала АН СССР, 1946. – 122 с.
- Азимов Э.Г., Толстой Н.И.** Астрономия народная // Славянские древности. – М.: Международ. отношения, 1995. – Т. 1. – С. 117–119.
- Айхенвальд А.Ю., Петрухин В.Я., Хелимский Е.А.** К реконструкции мифологических представлений фин-

*Чтобы установить происхождение «лунной водоноши» у болгар, желательно сопоставить болгарские материалы с сербскими. Однако известные нам сербские истолкования лунных пятен, скорее всего, позднего происхождения и включают лишь варианты, обычные для всей христианской Европы [Янкович, 1951, с. 108–109]. Характерная для болгарских вариантов ситуация «парень и девушка приходят к колодцу и оказываются на Луне» встречается еще лишь у северных русских [Гура, 2006, с. 462].

но-угорских народов // Балто-славянские исследования 1981 г. – М.: Наука, 1982. – С. 162–192.

Аккорин В.А. Марийский фольклор. – Йошкар-Ола: Марий. кн. изд-во, 1991. – 287 с.

Алексеев Н.А., Емельянов Н.В., Петров В.Т. Предания, легенды и мифы саха (якутов). – Новосибирск: Наука, 1995. – 399 с.

Алексеев Е.А. Представления кетов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. – Л.: Наука, 1976. – С. 67–105.

Анохин А.В. Легенды и мифы седого Алтая. – Горно-Алтайск: Мин-во культуры Республики Алтай, 1997. – 40 с.

Аристэ П. Коми фольклор. – Тарту: Эстон. лит. Музей, 2005. – 215 с.

Арсеньев В.К. Из научного наследия В.К. Арсеньева // Краевед. бюл. Об-ва изуч. Сахалина и Курильских островов. – 1995. – Вып. 4. – С. 151–183.

Ашмарин Н.И. Введение в курс чувашской народной словесности. – Чебоксары: НИИ языка, литературы, истории и экономики, 1984. – С. 3–48.

Бараг Л.Г. Башкирское народное творчество. – Уфа: Башкир. кн. изд-во, 1987. – Т. 2: Предания и легенды. – 576 с.

Белова О.В. «Народная Библия». – М.: Индрик, 2004. – 575 с.

Березкин Ю.Е. Космическая охота: варианты сибирско-североамериканского мифа // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – № 2. – С. 141–150.

Беретти Н.И. На Крайнем Северо-Востоке. – Владивосток: Владивост. отд. гос. Рус. геогр. об-ва, 1929. – 92 с.

Богораз В.Г. Чукчи. – Л.: Изд-во Главсевморпути, 1939. – Т. 2: Религия. – 195 с.

Бонева Т. Народен светоглед // Родопи. Традиционна духовна и социално-нормативна култура. – София: Етнографски Институт с Музей, 1994. – С. 7–50.

Брудный Д., Эшмамбетов К. Киргизские сказки. – М.: Худ. лит., 1968. – 230 с.

Бурькин А.А. Малые жанры эвенского фольклора. – СПб.: Петербург. востоковедение, 2001. – 276 с.

Бутанаев В.Я. Представление о небесных светилах в фольклоре хакасов // Учен. зап. Хак. НИИ языка, литературы и истории. Сер. филол. – 1975. – Вып. 20, № 3. – С. 231–240.

Вайшкунас Й. Народная астрономия белорусско-литовского пограничья // Балто-славянские исследования. – М.: Индрик, 2004. – Вып. 16. – С. 168–179.

Валеев Ф.Т. О религиозных представлениях западно-сибирских татар // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. – Л.: Наука, 1976. – С. 320–331.

Вардугин В.И. Мифы древней Волги. – Саратов: Надежда, 1996. – 687 с.

Василевич Г.М. Материалы по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. – Л.: Изд-во Ин-та народов Севера, 1936. – 290 с.

Василевич Г.М. Ранние представления о мире у эвенков // ТИЭ. – 1959. – Вып. 51. – С. 157–192.

Василевич Г.М. Эвенки. – Л.: Наука, 1969. – 304 с.

Васильев М. Религиозные верования черемис. – Уфа: [Губ. тип.], 1907. – 54 с.

Верещагин Г.Е. Вотяки Сосновского края. – Ижевск: УрО РАН, 1995. – 259 с.

Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. – Ижевск: Удмуртия, 1994. – 384 с.

Воробьев Н.И., Хисамутдинов Г.М. Татары Среднего Поволжья и Приуралья. – М.: Наука, 1967. – 538 с.

Воскобойников М.Г. Эвенкийский фольклор. – Л.: Учпедгиз, 1960. – 339 с.

Воскобойников М.Г. Фольклор эвенков Прибайкалья. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1967. – 183 с.

Галданова Г.Р. Доламаистские верования бурят. – Новосибирск: Наука, 1987. – 115 с.

Гамзатов Г.Г., Далгат У.Б. Традиционный фольклор народов Дагестана. – М.: Наука, 1991. – 496 с.

Головнев А.В. Говорящие культуры. Традиции самодийцев и угров. – Екатеринбург: УрО РАН, 1995. – 607 с.

Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. – М.: Индрик, 1997. – 910 с.

Гура А.В. Лунные пятна: способы конструирования мифологического текста // Славянский и балканский фольклор. – М.: Индрик, 2006. – С. 460–484.

Гурвич И.С. Космогонические представления у населения Оленекского района // СЭ. – 1948. – № 3. – С. 128–131.

Гурвич И.С. Культура северных якутов-оленевонов. – М.: Наука, 1977. – 247 с.

Девяткина Т.П. Мифология мордвы. – Саранск: Красный Октябрь, 1998. – 336 с.

Денисов П.В. Религиозные верования чуваш. – Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1959. – 408 с.

Долгих Б.О. Мифологические сказки и исторические предания энцев. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 243 с.

Дульзон А.П. Кетские сказки. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1966. – 171 с.

Дульзон А.П. Сказки народов сибирского севера. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1972. – 203 с.

Евсеев В.Я. Карельское народное поэтическое творчество. – Л.: Наука, 1981. – 412 с.

Егоров Н.И. Чувашская мифология // Культура Чувашского края. – Чебоксары: Кн. изд-во, 1995. – Ч. 1. – С. 109–146.

Егоров С.Б. Предания, легенды и мифологические рассказы вепсов // Мифология и религия в системе культуры этноса. – СПб.: Российский этногр. музей, 2003. – С. 128–129.

Жуковская Н.Л. Дархаты // Народы мира. – М.: Сов. энцикл., 1988. – С. 151.

Золотницкий Н.И. Отрывки из чувашско-русского словаря. № 14: чувашские названия Бога, неба и светил небесных. – Казань: [Губ. тип.], 1874. – 23 с.

Исида Э. Мать Момотаро. – СПб.: Петербург. востоковедение, 1998. – 218 с.

Итс Р.Ф. Мяо. Историко-этнографический очерк. – М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 272 с.

Карутц Р. Среди киргизов и туркменов Мангышлака. – СПб.: Изд. А.Ф. Девриена, 1911. – 188 с.

Кербелите Б. Типы народных сказаний. – СПб.: Европ. дом, 2001. – 605 с.

Крейнович Е.А. Нивхи. – М.: Наука, 1973. – 495 с.

Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Материалы по фольклору хантов. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1978. – 216 с.

- Лауринкене Н.** Представления о месяце и интерпретация видимых на нем пятен в балтийской мифологии // Балто-славянские исследования. – М.: Индрик, 2002. – Вып. 15. – С. 360–385.
- Лимеров П.Ф.** Му пуксьом – Сотворение мира. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2005. – 524 с.
- Лопатин И.А.** Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские. – Владивосток: Владивост. отд-ние Приамур. отд. Рус. геогр. об-ва, 1922. – 370 с.
- Лукина Н.В.** Мифы, предания, сказки хантов и манси. – М.: Наука, 1990. – 568 с.
- Максютова Н.Х.** Башкирская космогония // Ономастика Поволжья. – Уфа: Башкир. гос. ун-т, 1973. – С. 382–384.
- Маринов Д.** Народна вяра. – София: Изток-Запад, 2003. – 422 с.
- Младенова Д.** Звездного небе над нас. – София: Проф. Мария Дринов, 2006. – 421 с.
- Младшая Эда.** – Л.: Наука, 1970. – 138 с.
- Мошков В.А.** Мирозерцание наших восточных инородцев: вотяков, черемисов и мордвы // Живая старина. – 1900. – Год 10. – Вып. 1/2. – С. 194–212.
- Надршина Ф.А.** Башкирские предания и легенды. – Уфа: Башк. кн. изд-во, 1985. – 288 с.
- Напольских В.В.** Палеоевропейский субстрат в составе западных финноугров // *Uralo-Indogermanica*: Балто-славянские языки и проблемы урало-индоевропейских связей. – М.: Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР, 1990. – Т. 2. – С. 128–134.
- Напольских В.В.** Введение в историческую уралистику. – Ижевск: УрО РАН, 1997. – 257 с.
- Невский Н.А.** Луна и бессмертие // Петербург. востоковедение. – 1996. – Вып. 8. – С. 265–301.
- Ненянг Л.П.** Ходячий ум народа. – Красноярск: Фонд северных литератур «ХЭГЛЭН», 1997. – 240 с.
- Непокупный А.П.** От прус. *VAUTAN* E.346 ‘СИТО’ к *RAUCORAN* E.6 ‘ПЛЕЯДЫ’ как соответствии лит. *SIEEYNAS* ‘то же’ // Балто-славянские исследования. – М.: Индрик, 2004. – Вып. 16. – С. 65–82.
- Николаева И.А., Жукова Л.Н., Демина Л.Н.** Фольклор юкагиров верхней Колымы. – Якутск: Якут. гос. ун-т, 1989. – Ч. 1. – 127 с.
- Никонов В.А.** Космогония Поволжья // Ономастика Поволжья. – Уфа: АН СССР, 1973. – С. 373–381.
- Никонов В.А.** География названий Млечного Пути // Ономастика Востока. – М.: Наука, 1980а. – С. 242–261.
- Никонов В.А.** Материалы по космогонике Средней Азии // Ономастика Средней Азии. – Фрунзе: Илим, 1980б. – С. 290–306.
- Новикова К.А.** Эвенские сказки, предания и легенды. – Магадан: Кн. изд-во, 1987. – 158 с.
- Овчинников М.П.** Из материалов по этнографии якутов // Этногр. обозрение. – 1897. – № 3. – С. 148–184.
- Пелих Г.И.** Происхождение селькупов. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1972. – 424 с.
- Пилсудский Б.** Фольклор айнов // Краевед. бюл. Об-ва изуч. Сахалина и Курильских островов. – 1991. – Вып. 3. – С. 69–84.
- Погодин А.** Космические легенды балтийских народов // Живая старина. – 1895. – Год 5. – Вып. 3/4. – С. 428–448.
- Подмаскин В.В.** Духовная культура удэгейцев. – Владивосток: Изд-во Дальневост. гос. ун-та, 1991. – 160 с.
- Подмаскин В.В.** Народные знания тунгусо-маньчжуров и нивхов. – Владивосток: Дальнаука, 2006. – 540 с.
- Попов А.А.** Материалы по истории религии якутов бывшего Вилкойского округа – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – С. 255–323. – (Сб. МАЭ; т. 11).
- Попов А.А.** Нганасаны. – Л.: Наука, 1984. – 152 с.
- Поротов Г.Г., Косыгин В.В.** В стране Кутхи. – Петропавловск-Камчатский: Дальневост. кн. изд-во, 1969. – 68 с.
- Потанин Г.Н.** Очерки Северо-Западной Монголии. – СПб.: [Тип. Киришбаума], 1881. – Вып. 2. – 181 с.
- Потанин Г.Н.** Очерки Северо-Западной Монголии. – СПб.: [Тип. Киришбаума], 1883. – Вып. 4. – 1025 с.
- Потанин Г.Н.** Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. – СПб.: [Тип. А.С. Суворина], 1893. – Т. 2. – 437 с.
- Потанин Г.Н.** Монгольские сказки и предания // Зап. Семипалат. подьотд. Зап.-Сиб. отд. Рус. геогр. об-ва. – 1919. – Вып. 13. – С. 1–97.
- Пустыльник И.** Астрономическое наследие древних эстов // Астрономия древних обществ. – М.: Наука, 2002. – С. 283–285.
- Рассадин В.И.** Легенды, сказки и песни седого Саяна. Тофаларский фольклор. – Иркутск: Комитет по культуре Иркут. обл. администрации, 1996. – 249 с.
- Родионов В.Г.** К образу лебеда в жанрах чувашского фольклора // Чувашский фольклор. – Чебоксары: НИИ языка, литературы, истории и экономики, 1982. – С. 150–170.
- Руденко С.И.** Башкиры. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – 394 с.
- Рут М.Э.** Русская народная астрономия. – Свердловск: Урал. гос. ун-т, 1987. – 68 с.
- Рычков К.Н.** Енисейские тунгусы // Землеведение. – 1922. – Кн. 1/2. – С. 69–106.
- Санжеев Г.Д.** Дархаты. – Л.: Изд-во АН СССР, 1930. – 63 с.
- Святский Д.О.** Очерки истории астрономии в Древней Руси // Историко-астрономические исследования. – 1961. – Вып. 7. – С. 75–128.
- Серошевский В.Л.** Якуты. – СПб.: Имп. Рус. геогр. об-во, 1896. – Т. 1. – 720 с.
- Сидельников В.М.** Казахские сказки. – Алма-Ата: Казах. гос. изд-во худ. лит., 1962. – Т. 2. – 448 с.
- Симченко Ю.Б.** Традиционные верования нганасан. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1996. – Ч. 1. – 215 с.
- Сироткин М.Я., Иванов М.И.** Чуваши. – Чебоксары: Кн. изд-во, 1970. – Ч. 2. – 308 с.
- Толоконский Н.** Якутские пословицы, загадки, святочные гадания, обряды, поверья, легенды и др. – Иркутск: [Тип. т-ва М.П. Окунев и К.], 1914. – 110 с.
- Тучкова Н.А.** Мифология селькупов. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2004. – 382 с.
- Уразалеев Р.** Национальный фольклор сибиряков Среднего Прииртышья. – URL: <http://sybyrlar.narod.ru/folklor.html>. 2005 (дата обращения: 30.09.2009).
- Фиельструп Ф.Ф.** Из обрядовой жизни киргизов начала XX века. – М.: Наука, 2002. – 300 с.
- Халидова М.Р.** Фольклорные тексты. Примечания к фольклорным текстам // Мифология народов Дагеста-

- на. – Махачкала: Дагестан. филиал АН СССР, 1984. – С. 160–187.
- Хангалов М.Н.** Собр. соч. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. – Т. 1. – 551 с.; 1960. – Т. 3. – 421 с.
- Хасанова М.М., Певнов А.М.** Мифы и сказки негидальцев. – Kyoto: Nakanishi Printing Co., 2003. – 207 p.
- Хелимский Е.А.** Самодийская мифология // Мифы народов мира. – М.: Сов. энцикл., 1982. – С. 398–401.
- Хомич Л.В.** Материал по народным знаниям ненцев // Социальная организация и культура народов Севера. – М.: Наука, 1974. – С. 231–248.
- Худяков И.А.** Краткое описание Верхоянского округа. – Л.: Наука, 1969. – 438 с.
- Ценев Г.** Небото над Македонија. – Скопје: Младински културен центар, 2004. – 284 с.
- Чадаева А.Я.** Древний свет. Сказки, легенды, предания народов Хабаровского края. – Хабаровск: Кн. изд-во, 1990. – 240 с.
- Чарнолуский В.В.** Материалы по быту лопарей. – Л.: Изд-во гос. Рус. геогр. об-ва, 1930. – 176 с.
- Чарнолуский В.В.** Саамские сказки. – М.: Государственное изд-во худ. лит., 1962. – 303 с.
- Чубинский П.П.** Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-русский край. – СПб.: Имп. Рус. геогр. об-во, 1872. – Т. 1. – 448 с.
- Шаракшинова Н.О.** Мифы бурят. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1980. – 167 с.
- Эргис Г.У.** Якутские сказки. – Якутск: Кн. изд-во, 1967. – Т. 2. – 283 с.
- Эргис Г.У.** Очерки по якутскому фольклору. – М.: Наука, 1974. – 402 с.
- Юхма М.Н.** Заметки о чувашской космогонии // Ономастика Востока. – М.: Наука, 1980. – С. 264–269.
- Allen R.H.** Star-Names and Their Meanings. – N.Y.; Leipzig: G.E. Stechert, 1899. – 563 p.
- Andree R.** Ethnographische Parallelen und Vergleiche. – Stuttgart: Maier, 1878. – 303 S.
- Ariste P.** Vadja muinasjutte ja muistendeid // Tõid Eesti Filoloogia Alalt. – 1974. – N 4. – Lk. 3–34.
- Ariste P.** Vadja muistendid. – Tallinn: Valgus, 1977. – 188 lk.
- Batchelor J.** Ainu Life and Lore. – Tokyo: Kyobunkwan, 1927. – 448 p.
- Beckwith M.** Hawaiian Mythology. – Honolulu: University of Hawaii Press, 1970. – 575 p.
- Berezkin J.** The cosmic hunt: variants of a Siberian – North-American myth // Folklore (Tartu). – 2006. – Vol. 31. – P. 79–100.
- Boas F.** Indianische Sagen. – Berlin: Asher, 1895. – 363 S.
- Boas F.** Tsimshian mythology // 31th Annual Report of the Bureau of American Ethnology. – Wash.: Smithsonian Institution, 1916. – P. 29–1037.
- Boas F.** Indian Myths and Legends from the North Pacific Coast of America. – Vancouver: Talonbooks, 2002. – 702 p.
- Bogoras W.** Chuckchee tales // J. of American Folklore. – 1928. – Vol. 41. – P. 297–452.
- Caspar F.** Die Tuparí. – Berlin; N.Y.: de Gruyter, 1975. – 321 S.
- Dixon R.B.** Oceanic Mythology. – Boston: Marshall Jones, 1916. – 364 p.
- Erdödi J.** Finnisch-Ugrische Gestirnnamen // Annales Universitatis Scientiarum Budapestiensis. Philologica. – 1968. – T. 8. – S. 105–121.
- Ernits T., Ernits E.** Vadjalaste ja isurite tähelepanekuid taevakehale kohta // Eesti Loodus. – 1984. – N 9. – Lk. 577–581.
- Gładyszowa M.** Wiedza ludowa o gwiazdach. – Wrocław: Zakład narodowym ossolifskich, 1960. – 235 s.
- Hallowell A.I.** Some empirical aspects of northern Sauteaux religion // American Anthropologist. – 1934. – Vol. 36. – P. 389–404.
- Harva U.** Altain Suvun Uskonto. – Porvo; Helsinki: Werner Söderström, 1933. – 420 s.
- Hirschberg W.** Die Plejaden in Africa und ihre Beziehung zum Bodenbau // Zeitschrift für Ethnologie. – 1929. – Bd. 61. – S. 321–337.
- Holmberg (Harva) U.** The Mythology of All Races. – Boston: Marshall Jones, 1927. – Vol. 4: Finno-Ugric, Siberian. – 585 p.
- Hose C., McDougall W.** The Pagan Tribes of Borneo. – L.: MacMillan, 1912. – Vol. 2. – 374 p.
- Ichon A.** La Religion des Tonaques de la Sierra. – P.: Centre National de la Recherche Scientifique, 1969. – 424 p.
- Јанковић Н.Н.** Астрономија у преданима, обичајима и умотворинама срба. – Београд: Српска Академија Наука, 1951. – 206 с.
- Jochelson W.** The Koryak. – Leiden: E.J. Brill; N.Y.: G.E. Stechert, 1908. – 842 p.
- Jochelson W.** Kamchadal Texts. – ‘S-Gravenhage: Mouton, 1961. – 284 p.
- Jones W.** Ojibwa Texts. – N.Y.: Stechert, 1919. – 777 p.
- Koekemoer G.P.** Lightning Design in an African Content. – Pretoria a.o.: Tshwane University of Technology, 2007. – 202 p.
- Konakov N.D., П’ина I.V., Limerov P.F., Ulyashev O.I., Shabaev Yu.P., Sharapov V.E., Vlasov A.N.** Komi Mythology. – Budapest: Akadémiai Kiadó; Helsinki: Finnish Literature Society, 2003. – 436 p.
- Krappe A.H.** La Genèse des Mythes. – P.: Payot, 1938. – 357 p.
- Krappe A.H.** The lunar frog // Folk-Lore. – 1940. – Vol. 51. – P. 161–171.
- Kuperjanov A.** Linnutee // Mäetagused. – 2001. – N 16. – Lk. 107–116.
- Kuperjanov A.** Eesti taevas. – Tartu: Eesti Folkloori Instituut, 2003. – 208 lk.
- Lantis M.** The Social Culture of the Nunivak Eskimo // Transactions of the American Philosophical Society. – 1946. – Vol. 35, pt. 3. – P. 153–323.
- László G.** Orosz-magyar kéziszótár. Русско-венгерский словарь. – Budapest: Akadémiai kiadó, 1975. – 1120 sz.
- Lundmark B.** Sol-och månkult samt astrala och celesta föreställningar bland samerna. – Umea: Västerbotens Museum, 1982. – 174 sid.
- MacDonald J.** The Arctic Sky. – Toronto: Royal Ontario Museum, 1998. – 313 p.
- Mándoki L.** Asiatische Sternnamen // Glaubenswelt und Folklore der sibirischen Völker. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1963. – S. 519–532.
- Matičeto M.** Zvezdna imena in izročila o zvezdah med slovinci // Traditiones. Zbornik Instituta za Slovensko Narodopisje. – 1973. – Vol. 2. – S. 43–90.

- McClelland C.** My Old People Say. An Ethnographic Survey of Southern Yukon Territory. – Ottawa: National Museums of Canada, 1975. – Pt. 1. – 637 p.
- McIlwraith T.F.** The Bella Coola Indians. – Toronto: University of Toronto Press, 1948. – Vol. 2. – 672 p.
- Meek C.K.** A Sudanese Kingdom. – L.: Kegan Paul, Trench, Trubner, 1931. – 548 p.
- Miller D.S.** Stars of the First People. – Boulder: Pruett, 1997. – 346 p.
- Munkácsi B.** Die Weltgottheiten der Wogulischen Mythologie // Revue orientale pour les études ouralo-altaïques. – 1908. – Vol. 9, N 3. – P. 206–277.
- Munkácsi B.** Wogulisches Wörterbuch. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1986. – 950 p.
- Napolskikh V.V.** Proto-uralic world picture: a reconstruction // Northern Religions and Shamanism. – Budapest: Akadémiai Kiadó; Helsinki: Finnish Literature Society, 1992. – P. 3–20.
- Nelson E.W.** The Eskimo about Bering Strait. – Wash.: Smithsonian Institution, 1899. – 518 p.
- Niebrzegowska S.** Gwiazdy w ludowym językowym obrazie świata // Językowy obraz świata. – Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marie Curie-Skłodowskiej, 1999. – S. 137–154.
- Nimuendaju C.** The Tukuna. – Berkeley: University of California Press, 1952. – 219 p.
- Niskanen M.** The origin of the Baltic-Finns from the physical anthropological point of view // The Mankind Quarterly. – 2002. – Vol. 43, N 2. – P. 121–153.
- Ostermann H.** The Mackenzie Eskimos. – Copenhagen: the Fifth Thule Expedition, 1942. – 164 p.
- Ostermann H.** The Alaskan Eskimos as Described in the Posthumous Notes of Dr. Knud Rasmussen. – Copenhagen: the Fifth Thule Expedition, 1952. – 292 p.
- Pechuël-Loesche E.** Volkskunde don Loango. – Stuttgart: Strecker & Schröder, 1907. – 282 S.
- Peebo K., Peegel J.** Igal puul oma juur. Murdetekste Jakob Hurde kogust. – Tallinn: Eesti raamat, 1989. – 336 lk.
- Pilsudski B.** Ainu folk-lore // J. of American Folklore. – 1912. – Vol. 25. – P. 72–86.
- Rasmussen K.** Observations on the Intellectual Culture of the Caribou Eskimos. – Copenhagen: Fifth Thule Expedition, 1930. – 116 p.
- Ray C., Stevens J.** Sacred Legends of the Sandy Lake Cree. – Toronto: McClelland & Stewart, 1971. – 144 p.
- Reed A.W.** Maori Myths and Legendary Tales. – Auckland; Sydney; L.; Cape Town: New Holland Publishers, 1999. – 255 p.
- Rodd F.R.** People of the Veil. – L.: MacMillan & Co., 1926. – 504 p.
- Schefold R.** Lia: Das große Ritual auf den Mentawai-Inseln. – Berlin: Dieter Reimer Verlag, 1988. – 695 S.
- Schwab G.** Tribes of Liberian Hinterland. – Cambridge: Peabody Museum, 1947. – 526 p.
- Smith W.C.** The Ao Naga Tribe of Assam. – L.: MacMillan & Co., 1925. – 244 p.
- Speck F.G.** Myths and Folklore of the Timiskaming Algonquin and Timagami Ojibwa. – Ottawa: Canada Department of Mines, 1915. – 87 p.
- Spieth J.** Die Ewe-Stämme. – Berlin: Reimer, 1906. – 962 S.
- Steinitz W.** Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. – Berlin: Akademie Verlag, 1966–1993. – Lfg. 1–15.
- Sullõv J., Kauksi Ü., Kõivupuu M., Reimann N., Hagu P.** ABC kiräoppus ja lugõmik algkooli latsilõ. – Võro: Võro Instituut ja Võro Selts, 1995. – 159 lk.
- Swanton J.R.** Haida Texts, Masset Dialect // Jesup North Pacific Expedition. – Leiden: E.J. Brill; N.Y.: G.E. Stechert, 1908a. – Publ. 10. – P. 273–812.
- Swanton J.R.** Social conditions, beliefs, and linguistic relationship of the Tlingit Indians // 26th Annual Report of the Bureau of Ethnology. – Wash.: Smithsonian Institution, 1908b. – P. 391–485.
- Teit J.A.** Traditions of the Thompson River Indians of British Columbia. – Boston; N.Y.: the American Folklore Society, 1898. – 137 p.
- Teit J.A.** The Shuswap // Memoires of the American Museum of Natural History. – 1909. – Vol. 4. – P. 443–813.
- Thompson T., Egedal S.M.** Salish Myths and Legends. – Lincoln; L.: University of Nebraska Press, 2008. – 445 p.
- Toivonen Y.H.** Pygmäen und Zugvögel. Alte kosmologische Vorstellungen // Finnisch-Ugrische Forschungen. – 1937. – Bd. 24, H. 1/3. – S. 87–126.
- Vaiškūnas J.** Etnoastronomia litewska // Etnolingvistika. – 1999. – Vol. 11. – S. 165–175.
- Vaiškūnas J.** The Moon in Lithuanian folk tradition // Folklore (Tartu). – 2006. – Vol. 32. – P. 157–184.
- Vathanaprida S.** Thai Tales. – Englewood: Libraries Unlimited, 1994. – 135 p.
- Volpati C.** Nomi romanzi degli astri Sirio, Orione, le Pleiadi e le Jadi // Zeitschrift für romanische Philologie. – 1932. – Bd. 52. – S. 151–211.
- Volpati C.** Nomi romanzi delle Orse, Boote, Cigno e altre costellazioni // Zeitschrift für romanische Philologie. – 1933a. – Bd. 53. – S. 449–507.
- Volpati C.** Nomi romanzi della Via Lattea // Revue de linguistique romane. – 1933b. – N 9. – P. 1–51.
- Wichmann Y.** Wotjakischer Wortschatz. – Helsinki: Societé Finno-ougrienne, 1987. – 421 p.
- Williamson R.W.** Religious and Cosmic Beliefs of Central Polynesia. Cambridge: University Press, 1933. – Vol. 1. – 399 p.
- Wolf W.** Der Mond in deutschen Volksglauben. – Bühl (Baden): Konkordia, 1929. – 91 S.
- Zsigmond C.** Popular cosmology and beliefs about celestial bodies in the culture of the Hungarians from Romania // Acta Ethnographica Hungarica. – 2003. – Vol. 48, N 3/4. – P. 421–439.

Материал поступил в редколлегию 20.02.09 г.